

Юлия Климова

Смейся, Принцесса!

Юлия Владимировна Климова

Смейся, Принцесса!

Серия «Анастасия Ланье», книга 6

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8367825

Климова, Юлия Владимировна. Смейся, Принцесса! : роман: Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-75351-2

Аннотация

Анастасия Ланье лишена аристократических замашек и равнодушна к богатству. Но вот беда – богатство неравнодушно к ней. Оно настойчиво липнет к рукам и диктует условия: богатым аристократкам нельзя влюбляться в садовников или шоферов, нельзя говорить то, что думаешь, нельзя показывать характер и даже мечтать! Зато можно с утра до вечера слушаться бабушку, характеру которой позавидовала бы сама Екатерина Великая, изучать этикет и оттачивать манеры. Вот только Анастасия не слишком покладистая внучка, она всей душой стремится к свободе и любви. И именно поэтому впереди маячит грандиозный дворцовый переворот...

Содержание

Глава 1,	5
Глава 2	32
Глава 3	49
Глава 4,	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Юлия Климова

Смейся, Принцесса!

© Климова Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1,

в которой я рассказываю о своих друзьях и врагах

За три месяца вряд ли можно повзрослеть, но именно это со мной случилось. Я стала более спокойной, сдержанной, вдумчивой и терпеливой. Иногда казалось, будто ноги и руки вытянулись сантиметров на двадцать, чего попросту не могло произойти, а шея... О, на лекциях она практически скрипела от напряжения.

– Еще пять минут, и ты превратишься в зануду, – посмеивалась Симка, многозначительно приподнимая брови и улыбаясь. – Знаешь, я начинаю бояться за твой рассудок. Не забывай, это я, а не ты, обещала родителям стать лучшим финансистом столетия.

В профилактических целях Симка рисовала на полях моих тетрадей дурацкие точки, закорючки и рожицы, а после с наслаждением впитывала ответную реакцию (я издавала тихие стоны отчаяния, ерзала, грызла ручку и... смеялась).

Все же здорово учиться вместе с подругой: сидеть рядом, шептаться, осторожно толкать друг друга локтями, обсуждать все подряд, обмениваться быстрыми взглядами, пить чай или кофе на первом этаже в столовой и размышлять о будущем. «Экономика отныне и навсегда принадлежит нам!» –

объявила в сентябре Симка, когда мы впервые переступили порог университета, и в конце октября я уже ничуть не сомневалась в этом.

Учеба могла быть в тягость кому угодно, но только не мне. Я отчаянно ждала окончания лета, чтобы, вырвавшись из стен бабушкиного дома, получить дополнительную порцию свободы, и этот счастливый момент наступил! Теперь первая половина дня всецело принадлежала мне, ее не нужно было делить ни с Эдитой Павловной, ни с Корой, ни с Семеном Германовичем, ни с Валерией. Но, конечно, это вовсе не означало, что тяжелая тень фамилии Ланье перестала падать на мою светлую голову. Она падала. Да еще как.

Я могла скучать лишь по Нине Филипповне и всегда радовалась нашим редким, почти тайным встречам в кафе. Почти тайным, потому что бабушка за три месяца ни разу не произнесла имя своей дочери, моей тети, и не стоило сомневаться: прощения в ближайшее время никто не получит. Эдита Павловна, мягко говоря, не терпела непослушания, а Нина Филипповна осмелилась сбежать из дома с семейным врачом – громоподобным, необыкновенно добрым великаном Львом Александровичем Брилем. Только при одном его появлении все болезни, а также тягостное уныние мчались прочь, не оглядываясь и больше не надеясь на триумф. Именно поэтому бабушка не отказалась от врачебных услуг Льва Александровича, она по-прежнему набирала номер Бриля при любом недомогании и требовала к себе повышенного внима-

ния. Иногда в общении была сдержанна и холодна, а порой делала вид, точно ничего не произошло. «Дочерью больше, дочерью меньше», – однажды с усмешкой прокомментировала Кора и, прищурившись, изучающе осмотрела Бриля с головы до ног. В ее серо-голубых глазах на миг вспыхнул огонь, губы дрогнули, длинные красные ногти отбили короткую дробь по темной лакированной столешнице. Кора резко отвернулась, и мне лишь осталось гадать, как она относится к побегу и замужеству Нины Филипповны: иронично, с презрением, одобрительно или с завистью?

Обручальное кольцо на пальце Льва Александровича всегда притягивало взгляд – простое, широкое и блестящее, оно для меня являлось символом счастья, нерушимой гарантией того, что будущее обязательно сложится хорошо. Когда я вдохновенно рассказала об этом Симке, подруга ответила, что я ненормальная и в жизни все проще. «Любовь... м-м... она... м-м... босая. Понимаешь? Кольца и штампы в паспорте ничего не значат. Все эти бумажные обязательства, знаки... Ерунда! Она босая, – пытаюсь доходчивее объяснить, повторяла Симка. – Вот точно говорю – босая!»

Свадьбы не было. В ней попросту никто не нуждался. В конце сентября Нина Филипповна и Лев Александрович сходили в загс и расписались. Я была первой, кто узнал эту замечательную новость (минут пять стояла у окна, сжимая в руке мобильный телефон, и улыбалась).

«Все же наша тетя – блаженная, – позже высказала свое

мнение Лера. – У Бриля полно денег, он вполне мог сыграть свадьбу в первоклассном ресторане и...» Слова двоюродной сестры я пропустила мимо ушей, мои мысли уже неслись к Тиму.

Тим.

Да...

Только Симка знала о наших отношениях, ну и конечно, Господь, на которого я последнее время особенно уповала. Если Нина Филипповна вырвалась из дома Ланье, то я по-прежнему находилась под неусыпным контролем бабушки и не имела права встречаться с кем хочу, делать что хочу и любить кого хочу. Разве Эдита Павловна одобрила бы мои чувства к Тиму – ее служащему, шоферу и помощнику по хозяйству? Моя «вольность» тянула как минимум на смертную казнь... Нину Филипповну за гораздо меньшую провинность (все же Бриль обеспеченный человек, а это Эдита Павловна ценит) решительно и безжалостно вычеркнули из списка дочерей.

«Твоя тетя просто вышла замуж за любимого человека. И на дворе не каменный век! – недоумевала Симка. Она тяжело вздыхала и смотрела на меня с большим состраданием. – Может, мои родители успеют тебя удочерить до повешения, а?»

Именно поэтому я частенько представляла себя слоном, идущим по тонкому льду, воровато оглядывающимся по сторонам. «Хруп... хруп...» – тянется за мной паутина злове-

щих трещин, а впереди – далекая линия горизонта и солнце, слепящее глаза.

«Маленькая моя Ланье». Так называет меня Тим, и я готова быть слоном столько, сколько потребуется!

Наверное, наши отношения можно назвать странными. Мы не мечтаем о том, что будет когда-то, а просто живем сегодняшним днем: я контролирую свои стремительные, теплые, скучающие, нежные взгляды, а Тим свои (но у него это получается плохо – на троечку), днем и вечером мы встречаемся наедине не так уж и часто, подальше от глазастого и ушастого дома Ланье, а ночью... Иногда я совершаю невозможное: пробираюсь на третий этаж, чтобы утонуть в крепких объятиях и почувствовать себя счастливой. За три месяца я проделала этот путь пять раз – поистине подвиг.

Временами Тим зовет меня за город, шутит, что скоро и сам начнет приходить ко мне в гости (а на это я наложила строжайший запрет), ни на чем не настаивает и с улыбкой относится к моим многоярусным страхам. «Маленькая моя Ланье...»

Я стараюсь быть осторожной, чтобы не навредить Тиму, но за завтраком или обедом от воспоминаний розовеют щеки или, случается, уголки губ предательски тянутся вверх... Хорошо, если в такие моменты Эдита Павловна не говорит о чем-то сверхсерьезном и важном.

Однажды я улетела в облака в весьма подходящий момент – бабушка хвалила Максима Матвеева, и это был тот редкий

случай, когда мое задумчиво-вдохновенное состояние получило одобрение. Эдита Павловна желала нашего сближения, но ее планы не могли увенчаться успехом: Максим относился ко мне покровительственно и дружески, а я была благодарна ему за это. После того как в наших отношениях появилась ясность, я наконец-то оценила и ум этого человека, и доброту, и благородство.

Приходя в гости, Матвеев никогда не садился рядом со мной, он держался вежливо и несколько отстраненно, был спокоен и немногословен, никто никогда бы не упрекнул его в том, что он морочит голову одной из наследниц Ланье. Не придерешься! Но Эдиту Павловну именно такое поведение Матвеева раздражало, бабушке хотелось видеть интерес в его голубых глазах. Огромный интерес.

«Максиму почти сорок лет, – как-то буркнула под нос Эдита Павловна, не подозревая, что я нахожусь поблизости. – Он собирается жениться или нет?»

Матвеев, наверное, собирался.

Когда-нибудь.

Почему бы и нет?

Летом Максим Матвеев дал мне понять, что восемнадцатилетние девушки его совершенно не интересуют, о столь юных особах он может лишь заботиться (в случае необходимости) и не более того¹. Устав от стратегических планов Эди-

¹ Об этом можно прочитать в романе Ю. Климовой «Бешеные страсти» (М.: Эксмо, 2013).

ты Павловны, я тогда облегченно вздохнула: почти союзники, а это уже неплохо. Мне оставалось лишь гадать, рассердится бабушка на Матвеева, когда поймет, что он не собирается связывать свою судьбу с моей, или нет? Максим ничего не обещал, и ни один поступок нельзя было поставить ему в вину. Эдита Павловна могла сердиться только на себя.

Спокойный открытый взгляд, сдержанная улыбка, ровный голос... Мне нравится наблюдать за Матвеевым и знать, что мы заодно. Хотя «заодно» – это, конечно, громко сказано. Мы делаем вид, будто бабушкины планы от нас скрыты, киваем друг другу при встрече, неторопливо разговариваем за столом, пару раз танцевали (Эдита Павловна «вышла в свет» только через месяц после «побега» Нины Филипповны), и между нами больше не возникает напряжения, которое присутствовало почти сразу после знакомства. Но ни на минуту я не забываю о том, кто друг Максима Матвеева. Ни на минуту. Клим Шелаев – враг семьи Ланье, человек, в присутствии которого мне нельзя произносить «никогда», потому что это слово (по неведомому закону) сразу меняет смысл на противоположный. Я не видела Клима три месяца, но не проходило дня, чтобы я не вспоминала о нем, – плохое всегда трудно забыть, наверное, именно поэтому в голове частенько проносятся фразы Шелаева, а перед глазами всплывает его черный образ.

Бабушка указала Климу на дверь, и он исчез, словно фамилия Ланье никогда и ничего для него не значила. «Рас-

творился в воздухе, точно дьявольский фантом», – состроив страшную гримасу, пошутила Симка.

Нет, Шелаев не доставлял Эдите Павловне удовольствий: он не появлялся то тут, то там, не упоминал ее имя в разговорах (иначе бабушке стало бы об этом известно), не старался хоть как-нибудь уколоть или отомстить. Клим пошел другим путем, он обрек Эдиту Павловну на особое одиночество – жизнь без главного и лучшего врага. Иногда я задавалась вопросом: «Кто кого наказал?» – и ловила себя на том, что сама тоже улыбаюсь почти дьявольски.

Я ругала себя за воспоминания, за редкую непонятную дрожь в руках и ногах (при мыслях о недавнем прошлом) и настойчиво выращивала в душе равнодушие к Шелаеву, но оно по закону подлости совершенно не выращивалось.

«Ты останешься на ночь? Сегодня или еще когда-нибудь?»

«Какого цвета на тебе платье?»

«Помни, Анастасия, я жду, когда ты станешь очень сильной».

Разве можно забыть подобные фразы? Вот у меня и не получалось... Иногда они прищипливали меня к стенке, приходилось закрывать глаза и сжимать губы, решительно перечеркивая все, что только можно!

В сентябре Лера встретила Шелаева на загородной вечеринке и случайно сболтнула об этом за завтраком: «Клим приехал к десяти и остался почти до утра. Гладко выбрит, в белой рубашке навывпуск... М-м-м, какой же он красав-

чик... — она подперла щеку кулаком и добавила с раздражением: — Шутил, веселился и звал всех к себе домой!» Эдита Павловна не остановила Леру и не проронила ни слова. Неторопливо поставив чашку на блюде, промокнув губы салфеткой, она устало вздохнула и привычно дотронулась до крупных черных жемчужин ожерелья. Но я заметила в глазах бабушки всполох огня — один, второй, третий... Уверена, внешнее спокойствие далось ей нелегко. Клим не смел шутить и веселиться, он должен был плохо жить без Эдиты Павловны (не есть, не пить, не спать). Он должен был... скучать? Да, бабушка наверняка желала этого, но Шелаев уж точно не собирался огорчаться и впадать в уныние, даже представить его расстроенным совершенно невозможно, тем более расстроенным из-за Ланье.

Слова Леры и в моей растрепанной душе оставили корявый след. Целая неделя потребовалась на то, чтобы признать: я бы хотела оказаться на той вечеринке, хотела бы поймать взгляд Клим и... равнодушно отвернуться.

* * *

Симка сидела на подоконнике и уже минут десять размышляла о том, что осень — самое скучное время года. Подруга ругала дожди (их как раз можно было оставить в покое, потому что они закончились две недели назад), противный ветер, мрачные тучи, утреннюю и вечернюю темень, голые

деревья и нелучезарные лица прохожих. Симка так и сказала: «нелучезарные», скривила губы и недовольно посмотрела на дверь библиотеки.

– Сколько мы уже ждем? Вот каторга... А тебе не кажется, что мы единственные студенты, которым за всю историю существования университета понадобилась библиотека? И никто никогда не объявится и не откроет эту пуленепробиваемую дверь!

На третьем этаже действительно было пустынно, здесь не проходили лекции, зато в половине кабинетов шел вялотекущий ремонт. Я сидела на стуле напротив Симки, вытянув длинные тощие ноги, и думала о Тиме, в связи с чем могла ждать библиотекаря хоть до утра.

– Вообще-то это была твоя идея, – начала я, но подруга посмотрела на меня как на лютого врага. – Молчу, молчу, молчу...

– Ждем еще пять минут и уходим. Я просто хотела как в старые добрые времена... Понимаешь? Правда, этих времен я не застала, но прабабушка рассказывала, – Симка улыбнулась. – Ладно, есть же на свете Интернет и книжные магазины! А скучно мне, потому что мы никуда не ходим. Учеба – дом, учеба – дом, и так до бесконечности. Личная жизнь моей прабабушки гораздо богаче нашей: у нее есть покер, два белых пуделя и доктор филологических наук. Давай сегодня отправимся в ночной клуб, а? – Симка соскочила с подоконника и скрестила руки на груди: – Только не говори «нет».

В отличие от Леры я не очень любила вечерние гуляния по ресторанам и клубам – моя двоюродная сестра могла до утра пить шампанское и танцевать, я же предпочитала книги и здоровый сон (хотя меня часто мучила бессонница, объяснение которой не всегда находилось). Да и без Тима подобное времяпровождение не казалось интересным.

– Хорошо, договорились, – согласилась я, выполняя долг дружбы перед Симкой.

– Бабушка тебя отпустит?

– Должна.

– Попроси, чтобы тебя забрал Тим. Это будет... опасно и волшебнo!

Симка знала почти обо всем и при случае с удовольствием подшучивала над моим тяжелейшим положением. Ее оптимизм и неукротимая вера в светлое завтра весьма положительно сказывались на моем душевном состоянии. Не так-то просто жить в ожидании неминуемой гибели...

– Очень смешно, – хмыкнула я, сдерживая улыбку.

– О, смотри, кто идет.

Я повернула голову и увидела Лизу Акимову, сестру Павла, уверенно приближающуюся к нам. Приталенное черное платье подчеркивало красоту ее фигуры, каштановые волосы идеальными волнами лежали на плечах и чуть подпрыгивали в такт стуку каблучков, пухлые губы были сжаты (это скрытое презрение, бесспорно, относилось к нам).

Лиза иногда здоровалась со мной (всегда с явной усмеш-

кой), но чаще подчеркнуто игнорировала, видимо, желая задеть. Внешне она слабо напоминала ту девочку, с которой я познакомилась в деревне около пяти лет назад. Пожалуй, если сравнить эту Лизу и ту, то общими окажутся лишь высокомерие и стильная дорогая одежда. Сестра Павла выросла, превратилась в утонченную холодную красавицу, знающую себе цену, считающую себя как минимум королевой. Мы с Симкой в ее глазах, наверное, были двумя букашками-альбиносами, по крайней мере, так казалось. «Ты не понимаешь! Наоборот, она пережить не может то, какая ты! Ты... настоящая, а она нет, — объясняла Симка. — Ну, красивая, и что? А мы? Да мы вообще бесподобные!»

Лиза не простила мне отношений с Павлом, и я даже не знаю, в чем, по ее мнению, состояла большая часть моей вины: в том, что ее брат встретил меня на своем пути, или в том, что я прекратила с ним общаться. Наверное, я была виновата абсолютно во всем и особенно в том, что живу на этом свете.

Лиза прошла мимо нас, не повернув головы, и Симка, смотря ей вслед, счастливо улыбнулась.

— Терпеть нас не может, — удовлетворенно выдохнула она и добавила: — Значит, мы — сила.

* * *

Я уже подходила к двери, когда во двор на своей бело-

снежной иномарке въехала моя двоюродная сестра. Эдита Павловна выполнила обещание и купила Лере машину, что автоматически потянуло за собой постоянные штрафы за нарушение правил дорожного движения и чуть ли не казодневные траты на мойку. «Моя красotka не может быть грязной, она должна находиться в идеальной форме. Всегда!» – попыталась оправдаться Лера, когда бабушка указала на стопку счетов. «Попробуй ее мыть сама, Валерия, это наверняка пойдет тебе на пользу, – ответила Эдита Павловна и многозначительно подняла брови. – А если мне придется оплатить хотя бы еще один штраф, то...» Лера, закатив глаза к потолку, пообещала вести себя на дорогах правильно, однако слова так и оставались словами. Эдита Павловна, конечно, могла проявить жесткость и отобрать ключи от машины, но пока этого не делала, и я догадывалась почему: количество вечеринок и шампанского в жизни ее внучки наверняка бы вернулось на прежний уровень.

Бабушка пожелала, чтобы я тоже получила права по вождению, однако меня совершенно не тянуло за руль, и я отказалась. Чему Лера весьма обрадовалась. «Ты поступаешь верно, – мило улыбнулась она, скрестив руки на груди. – Рано или поздно ты вернешься в деревню, а зачем нужны права в колхозе? Если только на тракторе по полю кур гонять». Сжав губы и вздернув нос, она многозначительно молчала секунд пять, а затем прыснула от смеха.

Лера училась в Институте моды и, как я поняла (с боль-

шим трудом), изучала маркетинг. Я старалась поменьше с ней общаться, поэтому не выясняла подробностей, да, наверное, это было бы пустой тратой времени: моя двоюродная сестра постоянно путалась и говорила разное. То она являлась уже готовым продюсером, то журналисткой в области моды, то планировала заниматься чьим-то пиаром, то утверждала, что знает «все ходы и выходы, которые приведут любой проект к успеху».

– Ну и как дела в твоём занудном университете? – Лера усмехнулась и хлопнула дверцей.

– Спасибо, хорошо.

– Ты ещё не присмотрела себе какого-нибудь ботаника-очкарика?

– Пока нет, – спокойно и стойко ответила я.

– Или какого-нибудь сгорбленного старикана, как наш многоуважаемый Федор Сергеевич Кожемякин? У тебя же наверняка все преподы стариканы, – Лера прищурилась и едко улыбнулась.

Эдита Павловна считала, что нам уже пора начинать знакомиться с миром Ювелирного Дома Ланье. Федор Сергеевич – ювелирных дел мастер – приезжал к нам раз в неделю и рассказывал о драгоценных камнях. Для меня эти встречи были интересным времяпровождением, для Леры – чудовищной мукой. Ее карие глаза вспыхивали лишь тогда, когда Федор Сергеевич приносил с собой особенные украшения, цена которых, наверняка, поднималась до небес.

– Пока еще нет, их так много, что и не знаю, кого выбрать, – сообщила я с уже профессиональной легкостью.

– Что ж, подождем.

С чувством выполненного долга Лера прошествовала вперед и нажала кнопку звонка. Я знала, что сейчас она привычно бросит сумку на пол и прямиком отправится в столовую, где потребует кофе со сливками и пирожное с кремом, а потом будет полчаса находиться в раздраженном настроении, потому что опять позволила себе лишних калорий.

В комнате меня ждал сюрприз – на кровати небольшой россыпью лежали шоколадные конфеты в серебристых фантиках. Стоило ли гадать, кто их принес? Конечно, нет! Быстро набрав номер Тима, я подошла к окну.

– Привет.

– Уже вернулась?

– Да. Спасибо за конфеты.

– Понравились?

– Я пока не ела, но уверена, они самые вкусные на свете.

– А знаешь, – Тим наверняка улыбался, – тебя совсем не сложно сделать счастливой.

– Это хорошо или плохо? – Я тоже улыбнулась и прижалась лбом к стеклу.

– Все, что связано с тобой, – хорошо.

– Когда ты приедешь?

– Через пять минут.

– Правда?

- Честное слово.
- А когда уедешь?
- Минут через десять.
- Плохо.
- Согласен.

С уходом Нины Филипповны работы у Тима прибавилось. Эдита Павловна пока не торопилась брать домашнего секретаря и каждое утро начинала с того, что громко и четко раздавала всем поручения. Но такое положение не могло продлиться долго: моя тетя делала слишком много, на ее место требовался опытный, трудолюбивый и терпеливый человек (способный работать с утра до ночи, выдерживая тяжелый характер властной Эдиты Павловны).

Чувствуя себя разведчицей на территории врага, я прокралась в библиотеку и спряталась от случайных глаз за массивным шкафом, на каждой полке которого, сомкнув ряды, стояла мудрость мировой философии. Благодаря кратковременным дежурствам в этом «тайном» месте я давно выучила наизусть все корешки книг в радиусе двух метров – раз сто я фотографировала их взглядом. Платон, Аристотель, Зигмунд Фрейд, Эрих Фромм, Мишель Фуко... Иногда, ожидая Тима, я закрывала глаза и тихо перечисляла авторов и названия их бессмертных произведений (это уже выходило без запинок). Так время шло быстрее.

Сначала по полу скользнула тень, а затем появился Тим. Гладко выбрит, светлая челка чуть съехала на лоб... На нем

были черные классические брюки со стрелками и голубая рубашка с двумя расстегнутыми верхними пуговицами... Тим редко одевался столь строго, он предпочитал джинсы, футболки, рубашки на выпуск, толстовки и кроссовки, именно такая одежда давала ему ощущение комфорта.

– Привет, – тихо произнесла я. – Ты побывал на приеме у английской королевы?

– Нет, – Тим подошел ближе и коротко поцеловал меня в губы. – Полдня я проторчал с Эдитой Павловной в занудной адвокатской конторе. Понятия не имею, зачем понадобилось мое присутствие.

– Ты сидел и слушал?

– Нет, у меня было дело получше.

– Какое?

– Я думал о тебе.

– Э-э... пожалуй, – нарочно серьезно начала я, – это занятие можно считать важным.

Руки Тима легли на мою талию, я ответно прижалась к нему и чуть подняла голову.

– Что ты делаешь сегодня вечером?

– Наверное, иду с Симкой в ночной клуб. Не очень хочется, но нужно.

– В какой?

– Пока не знаю, – я пожала плечами.

Тим погладил меня по спине, еще раз поцеловал в губы, затем быстро в щеку и шепнул в ухо:

– Постараюсь тебя забрать из клуба, позвони, когда будешь знать адрес.

– Но...

– Не волнуйся, Эдита Павловна не станет возражать, кто-то же должен привезти ее любимую внучку домой в целости и сохранности, – улыбку Тима вполне можно было назвать шкодной и мальчишеской.

Я счастливо вздохнула, напомнила себе о мерах предосторожности, конспирации, притупившемся инстинкте самосохранения, глупости, мудрости, слабости, силе, опустила руки и ворчливо сказала:

– Я не любимая внучка Эдиты Павловны. Не говори так.

Тим ничего не ответил, он лишь сильнее прижал меня к себе, а это было куда весомее слов. Что ж делать, если я родилась в семье Ланье...

* * *

Наверное, Симка действительно последние сто лет умирала от скуки, потому что так одеться мог только человек, мечтающий о немедленном празднике и уж точно ненавидящий хандру и тоску. Белая короткая куртка, белая водолазка, розовая тряпичная хризантема на груди, розовые джинсы, белые сапоги на высоченных каблуках. И при этом Симка совершенно не выглядела вызывающе, она была женственной, восхитительной стрекозой, игнорирующей все минусы осе-

ни.

– Ну, мы же не в библиотеку собрались, – поймав мой удивленный взгляд, произнесла она и развела руками, мол, что здесь такого.

– А я ничего и не говорю.

– Твое лицо говорит за тебя, – усмехнулась Симка и многозначительно приподняла брови. – Кстати, я бы на твоём месте тоже немного приоделась.

– А я и приоделась, – ответила я, сдерживая смех. – Просто в доме Эдиты Павловны трудно найти что-то розовое.

– И поэтому ты напялила коричневые брюки?

– Они бежевые.

– Зануда, – тоже сдерживая смех, ответила Симка. – Взяла бы что-нибудь у ее величества Валерии, уверена, у твоей сестры наверняка найдется...

Договорить она не успела, на втором этаже распахнулось окно, и двор огласился резким недовольным голосом Леры. Мы дружно задрали головы вверх, мужественно приняв неизбежное.

– А вы куда собрались?! На вечеринку? Чего молчите? На вечеринку, да? Я с вами!

Окно мгновенно захлопнулось, и я автоматически возвела глаза к небу, моля об избавлении, но, увы, спасения быть не могло (на слово «нет» Лера никогда особого внимания не обращала).

Не стоило упоминать имя моей сестры, оно, сорвавшись с

уст Симки, видимо, стрелой полетело в космос и там безжалостно продырявило наш покой раз и навсегда!

– Мы можем сказать, что отправляемся в медицинский центр ухаживать за тяжелобольными, – пошутила Симка. – За очень тяжелыми больными. Заразными!

Лера презрительно относилась к общественному транспорту, именно поэтому мы выбрали автобус и метро – маленькая месть за наши муки... «Вон тот мужчина чахоточный. Боже, я нахожусь с ним в одном вагоне, – Лера брезгливо сморщила нос и издала короткий стон отчаяния. – Надо было ехать на моей красавице, но я бесконечно хочу шампанского! Бес-ко-неч-но. А кстати, что это на вас нашло? – на лице Леры появилась едкая улыбка, глаза блеснули. – Я думала, вы посещаете исключительно библиотеки».

Симка терпеливо отвечала на вопросы (со свойственным ей несокрушимым оптимизмом), а я сожалела, что вечер испорчен. Даже если у Тима и получилось бы меня забрать, дорога домой уже не могла быть приятной и романтической – присутствие Леры меняло все, и далеко не в лучшую сторону. Увы.

Самым популярным местом на нашем курсе считался студенческий ресторан «Берег», который находился неподалеку от университета. Здесь царила демократичная атмосфера, с двенадцати дня и до утра звучала то медленная, то быстрая музыка, в воздухе витал аромат свежесваренного кофе, а в меню значились необычные вкусные закуски, горячие блю-

да и десерты. Мягкие бархатные диваны и кресла темно-фиолетового цвета позволяли удобно усесться и расслабиться, ступенчатый пол приподнимал дальние столики, делая обзор лучше, серые столбы серебрились от подсветки. Козырным местом считалась барная стойка, переливавшаяся всеми цветами радуги.

В этом ресторане я была лишь однажды – в сентябре. Мы с Симкой отмечали начало учебного года и удовлетворяли любопытство. «Все уже там были, только мы, как две старые вороны...» – сверля меня взглядом, ворчала она и продолжала в том же духе еще минут пять. Повредничав немного для порядка, я сдалась и уже вечером ела пасту с грибами, пила капучино и наблюдала за однокурсниками. Симка, пожадничава, набрала целую гору закусок и постоянно подкладывала мне рыбу, креветки, овощи... «Ешь, – строго говорила она и добавляла: – В следующий раз ты меня останавливай, а то тут так красиво написано... «Дуэт из форели и судака под лимонно-апельсиновым соусом». Может, закажем?»

Конечно, ресторан посещали не только студенты, но все же молодежь преобладала. Многие называли «Берег» клубом (так им больше нравилось) и проводили здесь почти каждый вечер.

– Кругом одни малолетки, – недовольно протянула Лера, когда официант отошел от нашего столика.

– Студенты. Многие из них твои ровесники, – ответила Симка.

– И что в этом хорошего? Мне нравится находиться в обществе уже состоявшихся мужчин. Впрочем, вам этого не понять, – усмехнулась Лера и добавила: – Н-да... Я в шоке... Теперь понятно, по каким клубам вы ходите. Зачем я только притащилась сюда? – Она откинулась на спинку кресла и посмотрела на меня как на самую главную неудачницу планеты Земля. Дождавшись салата с морепродуктами и мохито, Лера достала из сумки косметичку и, поглядывая по сторонам, принялась усиленно красить губы. – Я могу себя утешить только тем, что здесь есть два симпатичных парня, жалко, они сидят далеко...

К десяти часам народу прибавилось, я опять заказала пасту с грибами и теперь неторопливо ела, перекидываясь с Симкой редкими фразами. Болтать как обычно у нас не получалось, потому что Лера цеплялась к каждой фразе или заваливала нас вопросами. Кругом мелькали знакомые лица, и я чувствовала себя хорошо: комфортно и непринужденно. Правда, появление Лизы Акимовой внесло некоторые коррективы в настроение... Она буквально хлестнула по мне взглядом, скривила губы и резко отвернулась, будто увидела гадкую болотную лягушку.

– Не обращай внимания, – шепнула Симка.

– Мне все равно, – чуть-чуть соврала я.

– Посмотрите! – воскликнула Лера. – Это Лизка! Черт, она опять вырядилась точно королева на бал. Ненавижу ее. А Павел здесь? Лучше бы он пришел. Черт, черт, все мужики

сразу начали пялиться на нее! Я хочу еще тирамису и латте.

Я тоже смотрела на Лизу, вернее, старалась не смотреть, однако голова, как назло, все поворачивалась и поворачивалась в ее сторону. Странно, красота сестры Павла не имела для меня значения, я совершенно не завидовала Акимовой, в отличие от Леры, но в душе... В душе ерзало что-то непонятное, необъяснимое, что-то, заставляющее меня нервничать. Будто случилось нечто важное, но я об этом пока не знаю, или должно случиться...

– Я пошла танцевать, – объявила Симка и поднялась. Верхний свет стал медленно приглушаться, зато колонны засияли разноцветным неоном. – Идем, – она взяла меня за руку и решительно потянула за собой. – И дай мне слово, что мы будем выбираться сюда хотя бы раз в неделю.

– Хорошо, – с легкостью пообещала я, широко улыбнувшись. Наверное, мне требовалась встряска и очень хотелось отдохнуть от Леры.

Симку подхватил рослый рыжеволосый парень, и они, совершенно довольные, поймав ритм музыки, принялись весело танцевать-дурачиться около ряда серых столиков. Я же прибилась к девчонкам с нашего курса и практически сразу почувствовала на себе чей-то горячий цепкий взгляд. Предчувствий и волнений у меня и так было достаточно, поэтому я завертела головой, пытаюсь найти причину очередного беспокойства, но усилия оказались тщетными – никто на меня не смотрел.

«Я схожу с ума, – пронеслась вполне своевременная мысль, заставившая улыбнуться еще раз. Махнув Симке, я подошла к барной стойке. Да, пожалуй, нужно выбиратья из дома почаще, но, конечно, без Леры.

Взобравшись на высоченный стул, взяв из блюда соленый арахис, отправив его в рот, я обернулась и вдалеке, около темных бархатных штор, отделяющих вип-комнату от общего зала, увидела высокого, крепко сложенного молодого мужчину, стоявшего ко мне лицом. Наверное, он усиленно занимался спортом, вернее, много лет не вылезал из тренажерного зала, потому что даже с такого расстояния можно было разглядеть рельефность его мышц.

Простая светлая футболка и темные брюки.

Руки заложены за спину.

Волосы убраны с лица.

И полутьма, мешающая хорошенько разглядеть незнакомца!

– Это он смотрел на меня, – тихо произнесла я, напрягая зрение. Невероятное ощущение, будто я знаю этого человека, пронеслось волной с головы до ног, а затем вернулось и заерзало в груди. Желая немного прийти в себя, я повернулась к арахису, сунула в рот еще немного орехов, а потом покосилась на вип-комнату. Но мужчины уже не было, только бархатная штора подрагивала в свете тусклых ламп, точно посмеивалась надо мной...

Я закрыла глаза, и воображение мгновенно принялось ри-

совать контур фигуры незнакомца, затем оно стало планомерно накладывать одну картинку на другую, путая меня, не давая возможности ухватить суть... Появилась черно-белая рябь, размытые блики, тонкие полосы, вспыхнули и исчезли запахи, а потом все безнадежно смешалось... Кто он? Кто?

Через пять минут я сдалась, а еще через три ко мне подлетела счастливая Симка и сообщила, что познакомилась с рыжим Игорем, он позвал ее в кино, но она не пойдет, потому что сердце не екнуло.

– Я вообще не уверена, что оно у меня может когда-нибудь екнуть, – пожалала подруга плечами, – а просто так встречаться – не хочу. Вдруг Игорь меня полюбит, что тогда делать?

– Он точно тебя полюбит, – пообещала я.

– Вот и я о том же.

– А если ты его тоже полюбишь... Потом.

– Исключено, – отрезала Симка. – Или сразу, или никогда.

– А я верю в любовь не с первого взгляда, – произнесла я, вспоминая о Тиме. – Мне кажется, она встречается часто.

– Ага, у зануд, – понимая, о ком я думаю, улыбнулась Симка. – Смотри, твоя сестра идет прямиком к нам. Надеюсь, два симпатичных парня не обратили на нее внимания...

Лера шла быстро и резко, демонстрируя наивысшую степень недовольства, похоже, ее не устраивало абсолютно все, и она желала немедленно поговорить об этом хоть с кем-нибудь.

– Я вызвала Тима, – сразу сообщила Лера, остановившись

напротив нас. – Если хотите, в следующий раз я, уж так и быть, возьму вас в свой любимый ночной клуб, и вы наконец поймете, что такое отличная вечеринка. А этот дешевый ресторанчик – просто дыра!

Покидая зал, я постоянно оглядывалась на вип-комнату в надежде еще раз увидеть того мужчину, но он больше не появлялся. Светлая футболка и темные брюки... Руки заложены за спину... Я напрягала память, пытаюсь вспомнить черты его лица, но тщетно. Собственно, я и не смогла их толком разглядеть.

Он внимательно смотрел на меня...

Стоял и смотрел.

И не просто так, а со смыслом.

Он знает, кто я... Только вот среди моих знакомых нет широкоплечих, крепких, атлетически сложенных молодых мужчин... Я бы запомнила!

– Вы только поглядите... Охрене-е-еть, – удивленный голос Леры, остановил ход моих мыслей. Я повернула голову и увидела Лизу Акимову. Она тоже спускалась по ступенькам, на ходу завязывая пояс серого полупальто. Ее путь лежал левее нашего. – Я не верю своим глазам...

– А что случилось? – спросила Симка, не заметив в происходящем ничего странного.

– Машина, – прошипела моя двоюродная сестра. – Вон стоит машина. И Лизка идет к ней.

– Ну и что?

– Охрене-е-еть, – повторила Лера и остановилась как вкопанная. Мы тоже были вынуждены последовать ее примеру.

– Вообще-то, – сказала Симка, – это не первая машина, которую я увидела в своей жизни. Ну дорогая, и что...

Я вдохнула, выдохнула, поняв наконец, что вызвало такую реакцию Леры. Мое сердце неожиданно дернулось, заныло, застучало, закрипело, ухнуло, и я подумала: «Как же хорошо, что за нами приехал Тим».

– Это машина Клима Шелаева, – ровно произнесла я.

– Конец света... – простонала Лера. – Он приехал за Лизкой!

Глава 2

День новостей

Ночь я провела в обнимку с бессонницей и с прошлым, в голову лезли дурацкие мысли, которые, к великому сожалению, отказывались убираться прочь. Они хмыкали, посмеивались, переворачивались с боку на бок, переставляли с места на место слова, меняя смысл и без того хрупких предложений, и настойчиво требовали моего внимания. Я же старательно игнорировала все «почему?», «зачем?», «правда или неправда?» и то натягивала одеяло до подбородка, то раскрывалась.

Лиза села в машину и уехала. Мы не увидели Клима.

– Глупости, – шептала я, пытаюсь отвлечься и заснуть. – Ерунда.

Но следом вспоминалась наша последняя встреча, зловещие слова бабушки: *«Вон из моего дома, и чтобы я больше никогда тебя здесь не видела!»* и дьявольская улыбка Шелеева.

Он продолжал прекрасно жить, не вспоминая Эдиту Павловну и... меня. У него были дела поинтереснее, например шумные вечеринки и встречи с Елизаветой Акимовой. Я не могла не думать о том, что их связывает, и, конечно, воображение тянулось только в одну сторону...

– Не имеет значения. – Я вновь закрывала глаза и старалась дышать ровнее.

«Они уже целовались?..»

– Глупости.

«Конечно, целовались. Шелаев наверняка все... абсолютно все... делает в один день... в одну ночь...»

– Не имеет значения.

«Они вполне подходят друг другу. Холодная, высокомерная Лиза и жесткий, беспринципный, бездушный Клим. Отличная пара. Да». – Эта мысль принесла долгожданное успокоение, и в четыре утра я наконец заснула.

Как ни странно, к завтраку я не чувствовала себя разбитой или усталой: глаза не слипались, голова не гудела, никакой вялости в организме не наблюдалось. Правда, все перечисленное появилось мгновенно, стоило лишь увидеть Семена Германовича, завершающего трапезу в столовой. Дядя с жадностью доедал круассан, не обращая внимания на крошки, сыпавшиеся на его розовую рубашку и коричневый галстук. Слева лежала сложенная газета, справа стояли большая чашка с кофе и блюдо с маслом. Увидев меня, Семен Германович облизал губы, резко поднялся и указал на соседний стул.

– Садись, Настя, я за тобой с удовольствием поухаживаю.

Я вовсе не боялась дядю, хотя последнее время он настойчиво сокращал дистанцию между нами: больше не тратил время на витиеватые и натянутые рассказы о писателях, художниках, путешественниках и дальних странах, а тяжело

смотрел, багровел и подходил ближе... Это задевало нервы и почему-то физически делало меня слабее, в такие моменты я привычно расправляла спину, вытягивалась в струну и превращалась в молчаливую особу, увлеченно считающую бесконечные секунды.

– Спасибо, я не голодна, я хотела... взять яблоко.

– Хорошо, что ты не учишься по субботам. – Семен Германович удовлетворенно кивнул, отодвинул стул и направился ко мне. Крошки, удобно устроившиеся на его животе, полетели вниз, привлекая внимание. – Ты устаетшь, а это... хм... вредно. – Щеки дяди порозовели, он остановился в метре от меня и с важностью сцепил руки перед собой. – Думаю, тебе давно пора... хм... развеяться. Как ты на это смотришь? Эдита Павловна, на мой взгляд, заботится о тебе мало.

Я кинула взгляд на вазу с фруктами и, стараясь выглядеть равнодушной, ответила:

– Бабушка заботится обо мне достаточно, я благодарна ей за...

– Настя, я с тобой категорически не согласен, – с нажимом произнес дядя, приближаясь ко мне. – Ты еще ни разу не была за границей, а между тем... – Семен Германович медленно протянул руку и взял меня за локоть. Это обыкновенное движение и ответное ощущение неприязни, подкатившее к горлу, чуть не отбросили меня назад (так, должно быть, чувствовали себя несчастные жертвы во времена пыток инкви-

зиции), я торопливо отошла к столу, взяла первое попавшееся яблоко и покосилась на спасительную дверь. – Настя, ты несправедлива ко мне. – Голос дяди покрылся тонкой коркой льда. – Ты неблагодарна, а между тем... Я повторяю, а между тем я готов заняться устройством твоей жизни и, поверь...

Бежать... Конечно же, я должна была спастись бегством, потому что иначе спастись не представлялось возможным. К сожалению, я не умела растворяться в воздухе или телепортироваться на другой край земли (хоть в лес, хоть в пустыню).

«Если бы Эдита Павловна не уехала рано утром по магазинам, этого кошмара не случилось бы», – мелькнула досадная мысль, и я перебила Семена Германовича:

– Извините, мне нужно идти. Я тороплюсь.

– Настя, мне казалось, что мы только-только начали понимать друг друга...

– Извините, я тороплюсь.

Маленькие глазки дяди сузились и сверкнули, нос несколько раз дернулся, пальцы сжались в кулаки. Семен Германович бросил недобрый взгляд на часы, ослабил узел галстука и вытер ладонью пот, выступивший на лбу. Не дожидаясь большей реакции на свое «возмутительное поведение», я мгновенно покинула столовую, взлетела по лестнице на второй этаж и юркнула в комнату, где, к моей великой радости, пел на все лады мобильный телефон.

Нина Филипповна.

Я нажала кнопку, села на кровать и замерла, желая услышать родной голос. Голос, который обязательно прогонит гнетущий образ Семена Германовича Чердынцева, вызовет теплую улыбку и просто порадует.

– Настя, добрый день. Мы могли бы сегодня встретиться?

– Да, я совершенно свободна.

Увидев Нину Филипповну за столиком в кафе, я размякла и превратилась в белоснежное ватное облако, плывущее навстречу солнцу. Тетя светилась счастьем, и этот свет имел удивительное свойство – он буквально согревал все вокруг, укутывал и убаюкивал. Такой особенной Нину Филипповну сделала любовь ко Льву Александровичу Брилю и...

– Я жду ребенка, – донесся до моего размякшего сознания тихий голос тети. – Я жду ребенка. Господи... У меня будет ребенок...

– Что? – выдохнула я, опускаясь на стул.

– Я жду ребенка... – повторила Нина Филипповна, и в ее глазах заблестели слезы. – Мне сорок лет, то есть... Почти сорок... Будет через три года... Я не надеялась... Не с моим здоровьем... Но у меня будет ребенок... – Она замолчала и посмотрела на меня так выразительно и многострадально, что и мои глаза наполнились слезами, а душа сжалась до боли.

– Это... Это очень хорошо, – прошептала я, охрипнув от волнения. Слова в долю секунды рассыпались, потерялись, исчезли, стали совершенно не нужны. Робко протянув руку,

я коснулась пальцев Нины Филипповны и осторожно сжала их, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами. – Это очень хорошо, – уже громко и твердо произнесла я, улыбнулась и схватила из подставки две бумажные салфетки: одну дала Нине Филипповне, а другую оставила себе.

– Я бесконечно благодарна тебе за то, что ты рядом... Я не выдержала и позвонила Льву. Он в Питере... Бросил все дела и летит в Москву... Ты знаешь, – тетя вытерла вновь набежавшие слезы, – он так обрадовался... У него дрожал голос! Я никогда не думала, что у него может дрожать голос... Он же обрадовался, правда?

– Конечно! – Я чуть не затрясла Нину Филипповну от восторга, представляя огромного Бриля, преодолевающего расстояние от Питера до Москвы, шагающего через реки и озера. – Вы не волнуйтесь.

– Да, я не буду... Мне же теперь нельзя. – Нина Филипповна растерянно улыбнулась, сложила салфетку пополам и убрала за ухо прямую каштановую прядь. – Настя, я... Я как-то раньше не верила в чудеса, а теперь каждый день... – тетя покачала головой. – Все в жизни возможно, и очень часто случается то, чего уже и не ждешь, на что не надеешься. Ты обязательно, обязательно верь в чудеса.

– Я верю, – кивнула я и подперла щеку кулаком. Наверное, на моем лице отражалась наивысшая степень блаженства, потому что Нина Филипповна опять улыбнулась и погладила меня по руке.

– У меня будет ребенок... – в который раз повторила она и вдруг погрузилась. – Как мама? Как ее здоровье?

– Эдита Павловна чувствует себя хорошо. У нас все как всегда, – коротко ответила я, злясь на бабушку.

– Ты ей не говори...

– Я вообще никому не скажу.

– Спасибо, – Нина Филипповна посмотрела на папку меню, счастливо вздохнула и добавила: – Я теперь не буду пить кофе, только чай. С вареньем. Дети же любят сладкое.

Лев Александрович позвонил через час и сообщил о своем прилете. Он так громко говорил в трубку: «Где ты?! Никуда не уходи. Я сам приеду к тебе!» – что, сидя рядом с тетей, я слышала каждое слово. О, как мне хотелось остаться и увидеть их встречу, но я должна была уйти.

* * *

Последние два дня Эдита Павловна была не в духе. В такие периоды она выбирала темные наряды, надевала гораздо больше массивных украшений, становилась саркастичной и особо нетерпимой к чужим слабостям. Ее зелено-коричневые глаза сверкали, губы напоминали резко начертанную линию, морщины углублялись.

Когда бабушка спустилась к ужину в черном платье с траурными кружевами на манжетах, я поняла, что ее мрачное настроение достигло пика: сейчас кому-нибудь обязательно

влетит, и, наверное, очень сильно. Правую руку Эдиты Павловны украшало кольцо с огромным огненным опалом – камень сиял, выдавая настроение своей хозяйки.

– Лера, не сутулься, – сухо произнесла бабушка, посмотрела на Кору и положила на тарелку несколько кусочков жареного мяса. – Анастасия, где ты пропадала днем? Будь так любезна, объясни, почему я должна тебя разыскивать?

– Я гуляла.

Эдита Павловна еле заметно кивнула, сощурилась, а затем принялась есть. Мне показалось, что она прочла мои мысли, и встреча с Ниной Филипповной уже не тайна.

– Бабушка, прошу тебя, – едко улыбнулась Лера, – не запрещай Насте гулять, а то она такая тощая и бледная...

– Помолчи, – резанула Эдита Павловна и добавила металлическим тоном: – Ужин окончен.

– Так быстро? – ровная, красивая бровь Кору изумленно приподнялась.

– Да.

– Но...

– И я никого не задерживаю. Кроме Анастасии, – пояснила бабушка.

Теперь стало ясно, кому следует трепетать от страха, покрываться холодным потом, прощаться с друзьями и близкими, торопливо искать ответ на вопрос «что же я натворила в этот раз?», нервно кусать губы и вспоминать всю свою жизнь. Мне!

– То есть мы остались без ужина, – иронично подытожила Кора, небрежно кидая льняную салфетку на стол. – Прекрасно... Надо было идти в ресторан с Семеном, там хоть и ожидалась серая публика, но, по крайней мере, я бы поела.

– Да, тебе не мешало бы проводить больше времени с мужем, – проигнорировав упрек, холодно ответила Эдита Павловна. Она медленно поднесла к губам бокал и сделала глоток воды. – Это определенно пошло бы на пользу вам обоим. Брак – труд, обоюдный и постоянный.

Кора поднялась из-за стола, разгладила мягкую ткань прямого бордового платья, отодвинула стул и неторопливо покинула столовую. Ее походка каким-то удивительным образом выражала раздражение и равнодушие одновременно – можно было понять и так, и этак.

Лера, состроив злобную гримасу, взяла два куса пирога, недовольно шмякнула их на тарелку и ушла, прихватив свою добычу. Ее походка просто и прямо демонстрировала максимальную ненависть ко мне. Но я к происходящему имела весьма косвенное отношение, потому что не знала, о чем хочет поговорить бабушка и чем она недовольна. Завидовать в данном случае мне мог только ненормальный...

Не обращая на меня внимания, Эдита Павловна продолжила ужин. Теперь ее лицо выражало спокойствие, но это была маска, под которой наверняка пряталась буря.

Вроде за мной не тянулся ворох провинностей... Или тянулся?.. Тим? Но мои отношения с ним никак не подходили

под статью средней тяжести, это...

– Я знаю, что ты видишься с Ниной, – ровно произнесла бабушка, скользя взглядом по тарелкам с маленькими яркими закусками. – Нет, я не слежу за тобой, Анастасия. Мое знание обусловлено интуицией. Даже если бы я наложила запрет, в данном случае ты бы его непременно нарушила. – Губы Эдиты Павловны скривились в улыбку (я не смогла понять: торжествует бабушка по этому поводу или гневается). – Не так ли?

– Вы не накладывали запрет, – ответила я, опуская вилку на край тарелки.

– Но ты бы его нарушила?

– Да.

Эдита Павловна обожгла меня взглядом, а затем, подняв голову, отрывисто засмеялась. Этот смех нельзя было назвать едким, победным, гневным или радостным – он напоминал треск большого костра, близко к которому страшно подходить, но тянет и тянет... «Твоя бабушка монстр, честное слово, монстр», – вспомнились слова Симки.

Я смотрела на Эдиту Павловну, пытаюсь угадать ее мысли, дурацкая дрожь застряла в коленках, и никак не удавалось ее прогнать. «Уходи, уходи, уходи...» Но она не уходила!

Меня не могли наказать за содеянное (запрета-то не было), да и я при необходимости обязательно бы встала на защиту Нины Филипповны, а не упала в обморок от страха. Особенно теперь, когда тетя ждала ребенка, но... Эдита Пав-

ловна умела пробираться в душу, и приходилось «держать дверь» крепко (двумя руками, вдобавок еще подпирая плечом), чтобы не впустить все злые силы дома Ланье... «Я не боюсь, я вообще бесстрашная», – подумала я и от собственной смелости чуть не улыбнулась.

Бабушка перестала смеяться. Откинувшись на высокую спинку стула, она замерла, превратившись в нерушимую седую гору, игнорирующую порывистые ветра: северные, южные, западные и восточные. Казалось, нет на земле силы, способной пошевелить хотя бы волос на голове Эдиты Павловны или заставить ее сдвинуть брови. Именно в этот момент я вдруг поняла, почему бабушка завела разговор о моих встречах с Ниной Филипповной и почему этот разговор для нее столь болезненный. Именно болезненный.

Она думала о дочери, имя которой теперь не произносила. Постоянно думала.

Но гордыня не позволяла первой сделать шаг к примирению.

Накопилось...

Копилось, копилось и накопилось!

Она бы хотела... Бриль же хороший. Очень хороший! Умный, добрый и любит Нину Филипповну.

Да, бабушка бы хотела...

Но, несмотря на это, я не была уверена, что Эдита Павловна приняла бы протянутую руку дочери, скорее всего, из-за той же гордыни она бы высокомерно прошла мимо Нины

Филипповны.

– Ты не ответила на мой вопрос, Анастасия.

– Я встречаюсь с Ниной Филипповной. Иногда мы пьем кофе в кафе и едим мороженое. – Я постаралась произнести фразы легко и просто и могла вполне гордиться собой: слова легли как нужно. О, как же хорошо я почувствовала себя! Ни один мускул не дрогнул на лице, и коленки наконец-то перестали дрожать.

– Это все, о чем я хотела поговорить с тобой. – Эдита Павловна поднялась, поправила кольцо и неторопливо, привычно-царственно покинула столовую. Настроение бабушки значительно улучшилось. Каждый шаг звучал уверенно и гулко, точно сама королева шла по мостовой.

– Все остались живы, – подвела я итог и вынула из заднего кармана джинсов мобильный телефон.

Эдита Павловна не запретила встречаться с Ниной Филипповной, не проткнула меня огненной молнией, не поинтересовалась жизнью своей дочери, не произнесла ни одного лишнего слова... Словно и не было нашего с ней разговора.

Но он был, и я чувствовала себя обязанной сообщить об этом Брилю.

«Теперь мы с ним вдвойне должны заботиться о здоровье и душевном покое Нины Филипповны. Кто же еще, если не мы?»

Я вновь улыбнулась и набрала номер Льва Александровича.

– Добрый день.

– Настя, здравствуй. Рад тебя слышать, – голос Бриля гремел от счастья. – Надеюсь, у тебя все хорошо. Ты редко мне звонишь.

– М-м... я вот... просто так.

– Отлично. А теперь быстренько говори, что стряслось.

Льва Александровича никогда не удавалось обмануть, и это мне даже нравилось. Перед ним я ощущала себя прозрачной стекляшкой, которую он крутит-вертит, то и дело поднося к свету настольной лампы. «Тэкс, тэкс, Анастасия... Собираемся соврать?»

– Ничего особенного... – протянула я, глядя на потолок. Кажется, я опять «немножко предавала» дом Ланье. Клим Шелаев наверняка пожал бы мне руку, хлопнул по плечу и сказал: «Какая же ты молодец, Настя!» Нет, он посмотрел бы на меня – долго, многозначительно – и сказал: *«Иди и порадуй чем-нибудь любимую бабушку уже сегодня»*. – Вы улетали в Питер, а там плохие погодные условия, – начала я отчаянную и неравную борьбу с Климом Шелаевым.

– Ты хочешь узнать, без проблем ли я вернулся в Москву? – с нескрываемой иронией спросил Бриль. Видимо, он уже раздробил меня на клетки и изучал под микроскопом.

– Да, – сообщила я, понимая глупость своего положения, и, ковырнув вилкой кусочек остывшей картошки, проигнорировав черный образ Клим, наконец-то сказала: – Сегодня Эдита Павловна первый раз за прошедшие месяцы спросила

про Нину Филипповну. То есть заговорила о ней... Вы думаете, бабушка собирается помириться?

В груди дернулась неведомая ниточка – дуэль с Шелaeвым оказалась слишком короткой, я не успела получить от нее удовольствия, наоборот, во рту появился горький привкус разочарования.

– Вряд ли, – ответил Лев Александрович, – но иногда на земле случаются чудеса. Ты веришь в них?

– Да. – Я улыбнулась, вспоминая недавний разговор с тетей. – Мне хочется, чтобы Нина Филипповна не волновалась, только не знаю, как это сделать, потому и позвонила.

– Спасибо. Хорошая ты девчонка, Настя, – с благодарным вздохом ответил Бриль, а затем прогремел: – Но погоришь на своей доброте – это точно!

Мы долго смеялись, потом попрощались, и я бодро направилась к себе в комнату. События дня никак не хотели успокаиваться в душе, и я собиралась хорошенько подумать о счастье Нины Филипповны, о планах и чувствах Эдиты Павловны, о Тиме. Закрыв окно, я легла на кровать и предалась размышлениям и мечтам.

Интересно, как примет бабушка новость о том, что у нее скоро появится еще одна внучка или внук? Непредсказуемо... Лера, конечно, взбесится – верный прогноз! Она мечтает, чтобы всеобщее внимание было сосредоточено только на ней... Пожалуй, я единственный человек в доме, готовый порадоваться за Нину Филипповну. Увы.

Дверь распахнулась так резко, что я вздрогнула. На пороге стояла Лера, вид ее говорил о том, что случилась катастрофа, равной которой не было и не будет никогда. Моя двоюродная сестра находилась в состоянии обиды, растерянности, вселенского возмущения и явно собиралась разорвать кого-нибудь в клочья. Даже волосы на макушке у Леры поднялись.

– Я все выяснила. Они встречаются – Клим и Лизка! – выпалив эту новость, она плотно закрыла дверь и принялась расхаживать по ковру туда-сюда, то размахивая руками, то скрещивая их на груди. – Уже месяц! Шелаев везде сопровождает Лизку, забирает со всех вечеринок, и одно доверенное лицо, – Лера скривилась, – сообщило мне, что помолвка не за горами! Отец Акимовой в отличных отношениях с Климом, мамаша у нее вообще расчетливая гадюка, а значит... Значит, все самое худшее обязательно случится! Я этого не переживу, понимаешь? – Лера нервно убрала от лица волосы и теперь уперла руки в бока. – Только не говори, что тебе все равно!

Я откинула плед, подтянула ноги и села. Острые фразы Леры все глубже и глубже проникали в меня. Да, они наталкивались на каменные преграды, но заслоны почти мгновенно покрывались трещинами и рассыпались в пыль.

– Мне все равно, – услышала я свой голос.

– Почему, почему самый лучший мужчина на свете должен достаться этой смазливой дуре?! – пропустив мимо

ушей мой ответ, взвилась Лера. – Нет, я отказываюсь в это верить! Но самое ужасное, что Клима уже месяц не видели ни с одной другой женщиной... Черт, это говорит о многом! Нет, я не верю. Тысячу раз не верю!

Шелаев никогда не оказывал знаки внимания Лере, и она не могла ревновать. Но ревновала. Яростно. И еще ей было трудно пережить, что такой «приз» достался именно «ненавистой Лизке Акимовой» – красивой, надменной, сводящей с ума многих мужчин.

Сунув ноги в тапочки, я прислушалась к стуку дождя за окном, проигнорировала стук собственного сердца и сказала:

– Думаю, они очень подходят друг другу.

– Что? – Лера сфокусировала взгляд на мне. – Ты сошла с ума? Клим... он... он... он необыкновенный, и я хочу его. Ясно?

– Да. – Я даже кивнула, чтобы не осталось никаких сомнений в моей способности что-либо понимать, особенно если объяснили столь доходчиво. Посмотрев на зеркальную дверь шкафа, я вдруг увидела высокую худощавую фигуру Клима, а рядом – Елизавету Акимову. И, конечно, она была хороша, иначе ее представить просто невозможно.

– Почему Акимовой так повезло? Объясни! Между прочим, Лизка не настолько уж красивая, просто размалеванная и... и... Скажи честно, ты веришь, будто между ними что-то есть? Они поженятся?

– Это возможно, – быстро вынесла я приговор, в ответ последовал отчаянный и протяжный стон Леры.

Глава 3

На войне как на войне

Вернувшись утром с покупками, Тим по просьбе Эдиты Павловны сделал несколько звонков и скрылся за дверью библиотеки. Я сидела на первом этаже, на диванчике возле окна, отчаянно борясь с желанием отправиться следом. Но мне оставалось лишь вдохновенно представлять, как Тим проходит мимо журнального столика, уверенно шагает вдоль книжных полок, бросает теплый взгляд в сторону нашего тайного места, возможно, улыбается и непременно думает обо мне. К сожалению, воскресенье – слишком опасный день для наших встреч, хотя унылое настроение настойчиво толкало меня к немедленному нарушению запретов. Бесспорно, все и всегда становилось лучше, когда я прижималась к Тиму...

Он вышел из библиотеки, подмигнул мне и понес толстенную книгу в комнату Эдиты Павловны. Я нетерпеливо побарабанила пальцами по подлокотнику и стала гадать, кто повезет нас с бабушкой к Брилю? Но пока ясности в этом вопросе не было. Чтобы ускорить время, я принялась вспоминать последнее строго засекреченное свидание, и уже через полминуты три продолжительных вдоха вырвалось из моей груди.

«Если посмотреть на Тима, то, наверное, не скажешь, что он может быть не просто нежным, а очень нежным, но он бывает таким, и эти моменты я бы назвала... м-м-м... особенно волнительными. Да, именно так! Остается только жалеть, что частых встреч мы себе позволить не можем».

Через пять минут Тим уже спускался по лестнице.

– Сейчас я повезу вас в клинику, – сказал он, подошел ближе и добавил: – Давай вечером куда-нибудь смотаемся, я тебя сто лет не обнимал.

– Тише, – прошипела я, умирая от страха и счастья.

– Я возьму машину Кору и подхвачу тебя около метро. Договорились?

– Хорошо, но я спрячусь за рекламный щит.

– Бессмысленная затея, – улыбнулся Тим, – твои дрожащие заячьи уши все равно будет видно.

Я состроила страшную гримасу, встала, торопливо сказала «договорились» и, нарочно копируя царственную походку бабушки, доплыла до двери. «Вечером у меня свидание... Отлично... Отлично... А заячьих ушей у меня вовсе нет!»

У Эдиты Павловны несколько дней болел левый бок, в связи с чем она собиралась в клинику к Брилю, где ей должны были сделать УЗИ почек. Я подозревала, что подобных обследований бабушка побаивается, именно потому она решила взять меня с собой. «Неизвестно, что эти эскулапы у меня обнаружат, – резко сказала Эдита Павловна Коре после завтрака. – Я не люблю, когда кто-то знает больше меня».

На заднем сиденье я специально устроилась так, чтобы переглядываться с Тимом в зеркале заднего вида. Он смотрел на меня, я на него, и настроение медленно, но верно тянулось к солнцу. Вчерашний разговор с Лерой эхом отдавался в груди, однако я игнорировала почти все образы и фразы. *«Скажи честно, ты веришь, будто между ними что-то есть? Они пожениятся?»* Чем дальше, тем больше я верила в это, потому что рядом с Климом невозможно было представить... нормальную женщину. Только холодную и обязательно очень красивую статую, глядящую на окружающих свысока. Елизавету Акимову.

Но, с другой стороны, разве ему будет с ней интересно? А если он умрет от скуки на второй день после свадьбы?..

«Хватит думать о Шелаеве!» – одернула я себя и почувствовала, как его персона отходит на второй план, растворяется в воздухе, оставляя после себя черные клубы дыма. Это нормально, демонам положено исчезать именно так.

Тим остался в машине, а мы с Эдитой Павловной поднялись на второй этаж.

– Двести третий кабинет. Вот он, – недовольно произнесла бабушка, перекладывая сумку в другую руку. – Лев мог бы и встретить меня, но, конечно, он слишком занят своими... пациентами, – уголки губ Эдиты Павловны презрительно опустились вниз.

Я не сомневалась, Брилю обязательно влетит за «невнимание». Но странно, бабушка не набрала номер Льва Алек-

сандровича и не потребовала его присутствия. Сдвинув брови, она решительно нажала на серебристую ручку белоснежной двери и вошла в кабинет. Эдита Павловна умела справляться и с волнением, и со страхом, и с нервами.

Во мне сразу поселилась уверенность, что ничего плохого не обнаружат, позже Лев Александрович или другой врач назначит какие-нибудь таблетки, и уже через неделю бабушка забудет о боли в левом боку. Я совершенно не могла представить Эдиту Павловну на больничной койке, даже домашний постельный режим для нее казался невероятным и невозможным.

Послonyaвшиcь немного по этажу, изучив пару информационных плакатов, я поболтала с Тимом по мобильному телефону и направилась обратно к двести третьему кабинету. Но уже через несколько шагов почувствовала странную слабость в ногах, в голове гулким эхом зазвучали неразборчивые фразы, в душе задергалась огненная ниточка... Я резко остановилась посреди коридора и принялась неотрывно смотреть вперед, будто именно оттуда, из-за угла, могло появиться объяснение этому странному состоянию.

«Наверное, мне тоже необходимо обследоваться... МРТ головного мозга – это то, что нужно!»

Я не слышала его шагов. Я угадала их.

Шаг. Еще. И еще. И еще...

Уверенно. Спокойно. Легко.

Из-за угла появился Клим Шелаев, и где-то там, наверху,

на небе, за белыми ватными облаками, кто-то сначала потушил свет, а затем включил его ярче, так, что заболели глаза.

Враг семьи Ланье шел мне навстречу. «Кажется, я не видела его тысячу лет...» И звучала барабанная дробь, и замирало вокруг все живое, и я не могла найти в душе хотя бы одну каплю равнодушия, которая позволила бы мне отвернуться... Или хотя бы сдвинуться с места.

Клим ничуть не изменился: все та же циничная насмешка на губах, цепкий взгляд, та же походка и наверняка те же острые, как бритва, мысли. «Кажется, я не видела его тысячу лет...»

Приблизительно в конце сентября я перестала представлять, какой будет наша встреча (рано или поздно она должна случиться)... Или в октябре?..

– Здравствуй, – Клим остановился в метре от меня и прищурился, ожидая ответа. Но я молчала. – Здравствуй, Анастасия. Здравствуй, душа моя, – последние слова он произнес с улыбкой, которую я не смогла бы назвать ледяной или едкой. Но и мягкой, доброй и теплой она не была.

– Здравствуйте, – ровно произнесла я, словно между нами не лежали долгие месяцы разлуки. Подумаешь, Клим Шелеев... Я давно забыла о нем!

– Ты же не забыла обо мне, правда?

– Ошибаетесь.

– Ты вспоминала меня каждый день, не так ли?

– Вы с ума сошли? – Я удивленно приподняла брови и

выдала мимолетную, но весьма ядовитую улыбку.

– Ты дрожишь.

– Нет.

– Да. – Клим ответно улыбнулся и повернул голову в сторону двести третьего кабинета. – Сколько у нас минут? – спросил он так, будто мы были заодно и собирались обчистить банк.

– Боитесь? – в ответ спросила я, стараясь понять, действительно ли дрожу, но когда под ногами горит и трясется земля, то... Тогда вообще ничего понять невозможно.

– Нет, просто хочу все успеть. – Клим вздохнул и смерил меня тяжелым взглядом с головы до ног. Мы оба замерли, смотря друг другу в глаза. – Анастасия... Ты прекрасна. Смущена и прекрасна. – Его голос стал наполняться игрой, той самой – привычной, постоянной, непонятной, острой, обжигающей, ледяной. Я поняла, что действительно дрожу (к великому сожалению!), убрала руки за спину и сжала кулаки. – Все же я могу гордиться своей силой воли: столько дней без тебя... Но, с другой стороны, это непростительная ошибка.

Клим сделал еще шаг, и его настроение резко изменилось. Щека дернулась, по лицу пробежала тень, губы стали тоньше, взгляд жестче. Я мгновенно почувствовала слабость, она накрыла меня с головой, качнула, болью отозвалась в животе и поползла вверх – к сердцу. Опять показалось, что свет выключили, а затем включили. Теперь Шелаев улыбнулся уста-

ло, будто наконец получил то, за чем пришел.

– Эдита Павловна уже давно в этом кабинете, – нарочно напомнила я.

– Неужели? И она может выйти в любой момент?

– Да, представьте себе.

– Как же я не подумал об этом раньше... А если мне сесть и подождать Старуху? Вдруг она будет так же рада меня видеть, как и ты?

– Я не рада.

Клим подошел к одному из стульев, сел и нагло положил ногу на ногу.

– Иди ко мне. Расскажи, как проходит учеба, как поживает Сима, чем ты занимаешься вечерами.

«Эдита Павловна сейчас выйдет... Вот сейчас... Еще пара секунд или минута... И что будет? Бабушка испепелит Шелаева взглядом, разорвет в клочья... И меня заодно... Нет... Нельзя предугадать... невозможно!» – мысли полетели стрелами одна за другой, но потом остановились и на короткое мгновение замерли.

«Расскажи, как проходит учеба, как поживает Сима, чем ты занимаешься вечерами».

Я внимательно посмотрела на Шелаева и интуитивно поняла, что он знает, как я учусь, как обстоят дела у Симки и ему даже известно, что я ем на завтрак, обед и ужин. У Клима было слишком насмешливое выражение лица, а в глазах танцевали с бубнами и балалайками маленькие, весьма до-

вольные собой чертики.

– Вы... – Напряжение, сковавшее тело, отхлынуло, я ослабла, безвольно опустила руки и почувствовала необъяснимое тепло в груди. Необъяснимое, потому что рядом с таким человеком испытывать что-то приятное категорически нельзя – это противоречит всем законам природы, законам математики, физики и химии. Это противоречит абсолютно всему!

Наши взгляды вновь встретились. Клим резко поднялся, быстро подошел ко мне и ровно произнес:

– Анастасия, ты же не думала, что я исчезну из твоей жизни? – Он коснулся моего запястья, затем взметнул руку вверх и осторожно прижал ладонь к моей щеке, от которой тут же отхлынули и кровь, и жизнь. – Я не уйду, пока ты не скажешь, что скучала по мне так же сильно, как и я по тебе.

Серебристая ручка двери двести третьего кабинета лязгнула и опустилась вниз, раздался отдаленный голос бабушки, а затем бас врача. Шуршание, и ручка вернулась в прежнее положение, голоса стихли...

Мое тело пробил такой разряд тока, что еще секунда, и я бы рассыпалась в пепел, от меня бы осталась лишь серая горстка на полу!

Шелаев не дрогнул, не обернулся, не сделал ни одного движения, лишь коротко и еле слышно вздохнул. Пожалуй, это был вздох недовольства и досады. Так, наверное, раздражается хищник, если кто-то мешает ему хорошенько сосре-

доточиться на добыче и получить свое.

Поборов острое желание вцепиться в Клима, чтобы украсть вот эту самую уверенность, гигантскую внутреннюю силу и даже насмешку, я сделала шаг назад и вздернула нос.

– Уходите.

– Ты скучала?

– Нет.

– Ты скучала?

– Нет.

– Тогда я не уйду. – Клим улыбнулся и развел руками, мол, ну что тебе стоит, скажи «да», и ты спасешь меня от гнева Эдиты Павловны. Делов-то!

Елизавета Акимова. Именно о ней подумала я в этот момент... Нет... Я думала о ней уже минут пять, но не признавалась себе в этом. Шелаев проводит время с Лизой, наверняка собирается сделать ее своей женой и продолжает мстить Ланье, используя меня. Отлично... Стоит ли удивляться? Пожалуй, нет.

В который раз, осознав коварство этого человека, я ожидала обязательного и немедленного приступа злости, я даже напряглась и сжала губы (приготовилась к лавине гневного чувства), но сначала, как ни странно, меня захлестнула боль, а уж потом, топя все, что попадалось на пути, появилась ярость.

«Кажется, я не видела его тысячу лет... Еще бы столько же не видеть!»

– Оставайтесь, – с усмешкой произнесла я, и это слово, превратившись в ледышку, упало на пол и разлетелось на тысячу треугольных осколков.

– Но твоя бабушка сейчас выйдет из кабинета, увидит меня рядом с тобой и расстроится... Да, очень расстроится, – продолжая мягко улыбаться, ответил Клим, – и, возможно... м-м... разорит меня.

Это было в силах Эдиты Павловны, но Шелаев никогда ничего не делает просто так, все у него продумано. И мне нужно было в считанные секунды понять, почему он рискует, что может спасти его на сей раз? Хотя... Разве он когда-нибудь боялся Эдиту Павловну? Нет. Никогда. Он всегда ходил по острию ножа и получал от этого свое обычное дьявольское удовольствие.

– Бабушка запретила вам появляться в нашем доме, но она ничего не говорила о клинике Льва Александровича Бриля. Вы не рискуете.

– Анастасия, – укоризненно протянул Клим. – Я готов подойти к тебе и обнять, и могу так стоять целую вечность, пока не откроется эта чертова дверь. Вдыхать аромат твоих волос, гладить по голове, целовать... Иди ко мне. Я не просто соскучился, я почти уже умер без тебя. Кто бы знал, как я устал смотреть на тебя издалека...

«Что-то очень много мужчин последнее время смотрит на меня издалека», – с весомой долей сарказма подумала я, вспоминая широкоплечего незнакомца из ресторана «Бе-

рег». Я была готова уцепиться за что угодно, только бы не впитывать в себя слова Шелаева. Нет, я не собиралась ему верить! И до его лживых чувств мне не было никакого дела! Но иногда (или всегда?) он обладал необъяснимой гипнотической силой, лишаящей меня способности здраво соображать. Почему, почему для своих игр Клим выбрал не Леру? Она, по крайней мере, была бы счастлива получать его внимание и даже гордилась бы этим! Сколько раз я задавала себе такой вопрос?

Елизавета Акимова. Разве вы, Клим, не вдыхаете аромат ее волос, не гладите по голове? Не целуете?.. А? Как видите, я знаю гораздо больше, чем вы думаете...

Слова и чувства смешались, и это отчего-то принесло облегчение, вернее, освобождение. Совершив рывок, я буквально вырвалась из прочной паутины Шелаева, которую он умело плел из обмана, наглости, вероломства и многого другого. Дышать стало тяжелее, может, оттого я прижала руку к груди и поймала биение собственного сердца: «бубух-бубух-бубух!»

Мы смотрели друг на друга, и казалось, будто остановилось время и дверь двести третьего кабинета никогда не откроется, а мы очень скоро потеряем способность двигаться, на веки вечные превратившись в камень.

Я сделала слабую попытку усмирить воображение, но оно умело рисовало все новые и новые картины и...

– Настя, ты здесь? Рада тебя видеть. Клим, добрый день, –

раздался голос Нины Филипповны.

Я обернулась и увидела свою тетю. Прямое бежевое платье в тонкую коричневую полоску ей очень шло, делая фигуру Нины Филипповны еще стройнее.

Наверное, разрешить эту ситуацию мог только ангел, и он появился...

– Здравствуй, Нина, – тепло произнес Шелаев и кивнул, подчеркивая приветствие. Его глаза засияли совсем другим огнем (я поймала целых три искры доброты!), губы дрогнули, и внешность мгновенно утратила все хищные черты. Передо мной стоял высокий, худощавый, интеллигентный мужчина, готовый в любой день и час победить в конкурсе на самого положительного принца столетия!

Нина Филипповна улыбнулась, бросила короткий взгляд на дверь кабинета, быстро оценила ситуацию, взяла Шелаева под руку и ровно произнесла:

– Клим, пожалуйста, проводи меня к мужу. И расскажи, как поживаешь, я не видела тебя дней десять. Или больше?

Если бы Эдита Павловна вышла из кабинета в эту секунду, то лечить, наверное, потом пришлось бы всех... Но бабушка появилась спустя пять минут, когда уже простыл след и ее злейшего и одновременно любимого врага, и «беглой, непокорной» дочери.

– Ты почему такая бледная? – сухо спросила Эдита Павловна, внимательно посмотрев на меня.

– Волновалась за вас, – соврала я, не моргнув глазом. –

Все в порядке?

— Да, но теперь нужно идти в триста восемнадцатый кабинет. Не удивлюсь, если окажется, что Бриль специально гоняет меня по этажам. — Бабушка негодуяще фыркнула, однако по тону голоса я поняла, что она вовсе так не считает.

Поднимаясь на третий этаж, я думала о Шелаеве и пыталась объяснить необъяснимое. Мне очень хотелось знать, случайно он оказался сегодня в клинике Бриля или нет. С одной стороны, слово «случайно» не может существовать рядом с Климом, с другой — в жизни бывают всякие совпадения... Мог ли Шелаев приехать специально ради встречи со мной (ну, чтобы выбить меня из колеи в очередной раз)? «Достаточно. Сколько можно о нем думать?» Но передо мной постоянно маячил образ Клима, и отмахнуться, превратить его в черные клубы дыма не получалось. Пожалуй, я должна была признать, что уже давно так не нервничала. Приблизительно три месяца... *«Здравствуй, Анастасия. Здравствуй, душа моя».*

Я не успела хорошенько разозлиться. Выйдя из лифта, Эдита Павловна резко остановилась, что нарушило плавность нашей торжественной процессии и через секунду повергло меня в холодный шок.

Около окна стояла Нина Филипповна, сосредоточенно изучая какую-то бумагу, пестрящую мелким текстом. Чтение явно увлекало тетю, но она все же заметила нас, опустила листок и выпрямилась, точно желала сказать: «Да, это я, и я

по-прежнему счастлива».

Вот они и встретились...

Не увидев поблизости Шелаева, я вздохнула с облегчением и замерла, гадая, что будет дальше.

Эдита Павловна могла кивнуть, поздороваться, подойти, сделать хотя бы знак Нине Филипповне, но, увы, приподняв голову, она важно продолжила путь, показывая тем самым, что прощать свою дочь не намерена. Или что той для прощения нужно сделать очень много первых шагов, и, вероятно, тогда...

Я поймала взгляд Нины Филипповны и увидела, как ее рука плавно легла на живот, точно защищала малыша от любого огорчения. «Ничего, ничего...» – будто говорила моя тетя, оставаясь внешне спокойной.

* * *

С Тимом мы договорились встретиться в семь, но я специально приехала к метро на полчаса раньше и спряталась за рекламный щит. Ноябрь вступал в свои права, к вечеру значительно похолодало, и непреодолимо хотелось промерзнуть до костей...

Я намеренно не стала одеваться тепло, давая возможность ветру и холоду почти беспрепятственно добраться до моего тощего тела и сжать его в ледяных тисках. Казалось, только так я смогу перечеркнуть мучительное волнение в душе. Ка-

ким же счастьем потом будет забраться в теплую машину и утонуть в объятиях Тима! Почувствовать себя уютно и легко, позабыть собственную фамилию Ланье, распрощаться с вечной мерзлотой и расслабленно улыбнуться. Мне наконец-то станет хорошо и не придется ни с кем воевать...

Я прочла все объявления, наклеенные поверх афиши, прогулялась до маленького продуктового магазинчика, позвонила Симке и рассказала о Шелаеве, а затем вернулась к метро.

Что будет дальше?

Чего мне ждать и к чему готовиться?

«Вряд ли он опять пропадет на долгое время, ты же сама говорила, что Клим никогда не повторяется. И я уверена на двести процентов: тебя в покое Шелаев не оставит. Ты... ну-у-у... Ты – это ты! – весело сообщила Симка и добавила: – Мужайся».

Я и мужалась. Практически из последних сил. И думала о портрете своей мамы, находящемся в руках Шелаева... Украсть бы как-нибудь... Стащить под покровом ночи или нагло днем... Пожалуй, в возвращении Климa есть один большой плюс: у меня появляется шанс (весьма бледный и худосочный) заполучить портрет. Да. Точно. Непременно. Во что бы то ни стало!

«Я не просто соскучился, я почти уже умер без тебя. Кто бы знал, как я устал смотреть на тебя издалека...»

– Рассказывайте о своих скучаниях Лизе Акимовой, – ед-

ко усмехнулась я, – она обязательно вам поверит.

Холод наконец-то добрался до костей, и я испытала короткий приступ радости. Поправив на плече ремешок сумки, скрестив руки на груди, я улыбнулась – сейчас приедет Тим, и мы опять своруюем у судьбы несколько часов... любви. И пусть Эдита Павловна строит свои многоуровневые планы, и пусть надо мной кружат вороны, и пусть впереди сплошная неизвестность! Собственно, мне не привыкать, последние годы моя жизнь выглядит именно так. И я знаю, как важно, когда рядом есть близкий человек, перед которым не нужно притворяться, который принимает тебя такой, какая ты есть. С отмороженным носом и с гремящими ребрами!

Сдержав очередную улыбку, я отругала себя за то, что не надела свитер, и принялась пританцовывать на месте. Этот бодрый ритуальный танец можно было смело посвятить Климу Шелаеву и всем его помощникам-чертям.

– Замерзла? – спросил Тим, когда я юркнула в машину Кору.

– Совсем чуть-чуть.

– Пожалуй, я теперь буду проверять, в чем ты выходишь из дома. У тебя же есть теплая куртка.

Забота Тима приятной щекоткой отозвалась в груди, я виновато заерзала в кресле, выдала глубокомысленное «э-э» и вновь расплылась в улыбке.

– У меня нет слов, чтобы объяснить тебе, как я счастлива!

– Ты сейчас умело ушла от моего праведного гнева, – Тим

тоже улыбнулся, притянул меня к себе и поцеловал. Мир начал стремительно уменьшаться, пока не свернулся до размеров машины Кору. Мир с этой секунды принадлежал только нам... – Куда поедет, замороженная принцесса? – спросил Тим, убирая с моего лица прядь волос.

– Все равно. Абсолютно все равно. Но я не хочу в кино и кафе. Может, просто покатаемся по улицам, а потом где-нибудь притормозим и поболтаем?

– Слушаюсь и повинуюсь.

Но кататься по городу мы быстро передумали, уже около парка я попросила остановиться, и Тим притормозил возле высокой кованой ограды и утопающих в свете фонаря деревьев. Он сбегал в кофейню, принес два больших стаканчика с кофе и два золотистых круассана, накормил меня, напоил, сказал тысячу ласковых слов, а потом опять отправился в кофейню и принес мороженое (я уже согрелась и, как капризная принцесса, попросила чего-нибудь ванильного и клубничного). Мы устроились на заднем сиденье и разговаривали о всякой ерунде, без сомнения, это было одно из лучших наших свиданий. Впрочем, я так думала после каждой встречи.

– Невозможно скучаю по тебе. Всегда, – сказал Тим и поцеловал меня в висок.

Он обнимал меня, гладил по плечу, то прижимал, то отпускал... Вот оно – счастье! Рядом.

– Ты бессовестно украл мои слова.

– Вообще-то хорошо, что под ветровку ты надела только футболку, так добраться до тебя гораздо проще. – Его рука забралась под мою футболку, и я засмеялась, прижимаясь к нему еще теснее.

Коснувшись щеки Тима, я мысленно попросила судьбу дать нам побольше времени, чтобы накопить сил и чувств, а уж потом... Да, мы остро нуждались во времени, в мире, сжатом лишь до «ты и я», и во многом-многом другом. Большом и светлом. Тихом и нежном. Уверенном и постоянном. Да!

Мои щеки порозовели, и я закрыла глаза, вспоминая наши редкие часы близости – все подряд. В жизни всегда есть место чему-то прекрасному и волшебному, даже если кругом натянуты красные ленты «запрещено, запрещено, запрещено...», даже если над головой висит огромная лупа, следящая за каждым движением и взглядом, даже если «нельзя» в миллион раз больше, чем «можно»...

– Я приду к тебе ночью, – уткнувшись мне в шею, сказал Тим.

– Нет! – воскликнула я, немедленно возвращаясь с небес на землю. – Мы же договаривались...

– Обещаю быть самым осторожным привидением на свете и не обращать внимания на твои трясущиеся заячьи уши. На самые лучшие заячьи уши на свете.

– Очень смешно, – нарочно фыркнула я и надулась.

– Тогда приходи ты ко мне в гости. – Тим улыбнулся и до-

бавил: – Почитаем книги, посмотрим телевизор, обсудим последние политические события... Если хочешь, польем цветы на подоконнике. Я еще успею их купить и расставить.

Через секунду мы уже смеялись вдвоем. Я вовсе не собиралась трусить, искренне желая подняться по ступенькам на третий этаж и открыть дверь комнаты Тима... Но мне так нравилось, когда он звал меня, шутил, делал все, чтобы я успокоилась и расслабилась, и я с удовольствием тянула время до своего неперемного «да».

– Ладно. Завтра, – решительно пообещала я, когда мы перестали хохотать.

Глава 4,

в которой случается то, что и должно было когда-то произойти...

Симка смотрела на меня иронично и пытливо. Она, видимо, уже устала задавать вопросы и теперь с удовольствием наблюдала за моим смятением. С одной стороны, я бы еще поговорила о Тиме, с другой – душа требовала томительной тишины и нескольких протяжных вздохов.

– Я бы тоже хотела влюбиться, – наконец сказала Симка. – Но, думаю, серьезного чувства в моей жизни не будет. Я слишком разборчивая и независимая.

– Будет, никуда ты не денешься, – весело пообещала я.

Мы опять застряли около библиотеки, но на этот раз не из-за книг – просто за выходные соскучились по болтовне и теперь наверстывали упущенное. В узких джинсах, широком «мужском» свитере, с зачесанными назад короткими волосами и с легким макияжем Симка выглядела очень стильно, мне казалось, что каждый мужчина, пройдя мимо, должен обязательно обернуться, а затем либо споткнуться, потерять равновесие и грохнуться на пол, либо врезаться в какую-нибудь колонну или дверь.

Мобильный телефон запел, и я торопливо вынула его из сумки – звонил Максим Матвеев.

– Добрый день, Анастасия.

– Здравствуйте.

– Эдита Павловна попросила меня забрать вас из университета, как вы на это смотрите?

Мы оба понимали, куда ветер дует, но с некоторых пор это не мешало нам дружески общаться (условия игры для нашего удобства были оговорены и приняты). Мне нравилось, что я обхитрила бабушку и заодно получила отличную гарантию: пока Максим Матвеев рядом, мне не станут подбирать и подсовывать других мужчин.

– Весьма положительно, – ответила я с улыбкой. – Лекции закончились, но я подзадержалась здесь немного...

– Я могу приехать через двадцать минут.

– Договорились.

Взяв куртки в гардеробе, мы с Симкой вышли на улицу и устроились на зеленой скамейке неподалеку от проезжей части. За спиной тянулись кусты, наполовину потерявшие листву, слева возвышался университет, а сразу перед нами располагался небольшой фонтан, выключенный в связи с похолоданием. Матвеев действительно приехал довольно быстро, припарковался и вышел из машины, не надев куртку, которая, наверное, осталась лежать на пассажирском сиденье. Его вид был, как всегда, безупречен, и я задержала на Максиме взгляд, любуясь его голливудской красотой. Мне нравились и его спокойная, уверенная походка, и идеальный костюм цвета маренго, и белая рубашка, и длинный серый

шарф, смягчающий официальность. Русые волосы, ямочка на подбородке, голубые глаза... «По крайней мере, Эдита Павловна выбрала для меня очень красивого мужчину», – развеселилась я, поднимаясь со скамейки.

– Вы же меня подбросите? – Симка вынула руки из карманов. – Зря я, что ли, тут мерзла? – Она широко улыбнулась, встала и подхватила свою любимую пузатую сумку из джинсы.

– Конечно.

– Да, он не старый, – немного тише, наклонив голову набок, произнесла Симка. – Ты говорила, ему тридцать семь или тридцать восемь? Хорошо выглядит, наши девчонки влюбились бы в него по уши.

Я поняла, что Симка вспомнила момент знакомства с Матвеевым, тогда его возраст показался ей древним, она даже говорила, что он мне в отцы годится.

Максим подошел и сдержанно поздоровался. Несмотря на ноябрьскую прохладу он вовсе не торопился к машине.

– Вы подвезете Симу? – спросила я, ловя ощущение неловкости, не имеющей какого-либо объяснения. Память отбросила меня назад, и я вспомнила разговор Эдиты Павловны с Матвеевым. Огромный украшенный цветами зал, столы, накрытые скатертями, высокие бокалы с шампанским, официанты с подносами, тонкие белые свечи, плавная музыка...

«– Лера увлечена Павлом Акимовым, боюсь, скоро внучки

покинут меня. Они молоды и красивы.

– Надеюсь, я никого не обижу, но восемнадцать лет – не лучший возраст для замужества. Если бы у меня была дочь, я бы посоветовал ей не торопиться и получше разобраться и в жизни, и в собственных чувствах. Да, у меня вполне уже могла бы быть взрослая дочь, которой я бы дал такой совет».

– Непременно, – ответил Матвеев и кивнул.

– А потом меня.

– Это тоже – непременно, – он коротко улыбнулся.

– Я живу далеко, и вы потратите целую кучу бензина, – весело сообщила Симка. – Не жалко?

– Нет. – Матвеев указал на машину, добавил «прошу вас», спросил адрес и пропустил нас вперед.

Мы устроились на заднем сиденье, расстегнули куртки и автоматически переглянулись. Симка пожала плечами и многозначительно подняла брови, будто хотела что-то сказать, но я не смогла угадать ее мысли.

– Сегодня прохладно, – произнесла она и посмотрела на Матвеева.

– Да, – ответил он.

Симка не из тех людей, которые для поддержания разговора станут болтать о погоде, и я наконец поняла, в чем дело. Произнеся: «Сегодня прохладно», она нарочно с иронией попыталась сломить сухость и серьезность Матвеева, но он не поддался, наоборот, сделал для нас музыку чуть гром-

че и сосредоточился на дороге. Симка, как ни странно, не вступила в дальнейшую борьбу, она вновь пожала плечами и улыбнулась.

Минут пять мы молчали, а потом Матвееву позвонила Эдита Павловна и сказала всего несколько слов, которые заставили его напрячься. Он ответил: «Да, мы уже едем», прекратил разговор, бросил на мобильный телефон задумчивый взгляд и сунул его в карман пиджака. Похоже, тон бабушки Максиму не понравился.

– Что-то случилось? – спросила я, чувствуя, как холодок бежит по коже.

– Нет, все в порядке. – Матвеев покачал головой, сбавил скорость и свернул направо.

– А мы куда? – Симка вытянула шею. – Нам вроде прямо.

– Если вы не спешите, я бы хотел сделать небольшой круг. Покатаемся немного.

Мы никуда не спешили, но происходящее удивляло. Это же какой голос был у Эдиты Павловны... Почему она поторопила Матвеева и почему он теперь тянул время?..

– Большое спасибо, – пропела Симка, когда мы остановились около ее дома. – Я тебе позвоню, – бросила она мне и, обматываясь на ходу шарфом, устремилась по ступенькам к двери подъезда. Белые полосы на серых кроссовках заискрились, засияли, замелькали.

Подул ветер, и сухой лист, сорвавшись с ветки, полетел вниз и чиркнул Симку по плечу. Мы с Матвеевым, не нару-

шая тишину, смотрели ей вслед.

— У вас хорошая подруга, Настя, — продолжая оставаться задумчивым, произнес Максим, а затем добавил: — Если вам когда-нибудь понадобится помощь, обязательно позвоните. Я приеду, помогу и буду рядом. — Он повернулся ко мне и мягко улыбнулся. — А теперь я отвезу вас к бабушке.

* * *

Они сидели в большом зале на диване и креслах. Эдита Павловна, Кора, Лера, Семен Германович. И, видимо, сидели давно, потому что на лице моей двоюродной сестры отражались недовольство, раздражение и некоторая растерянность. Она не ныла, не капризничала, что уже было странно, и смотрела на меня с осторожным любопытством. Без сомнения, Эдита Павловна еще до моего приезда продемонстрировала всю силу своего гнева.

Глаза Семена Германовича то вспыхивали, то бегали, его щеки и губы дергались и алели, что не предвещало ничего хорошего. Дядя не мог спокойно сидеть, он ерзал, приглаживал редкие волосы и несколько раз порывался подняться. Наконец его взгляд остановился на мне — в груди вспыхнул огонь, и настойчивое предчувствие беды схватило меня цепкими ручонками за горло.

Кора смотрела в одну точку, чуть выше моей головы, и чему-то еле заметно улыбалась. Быть может, ей мерещилась

там петля виселицы, раскачивающаяся туда-сюда...

Эдита Павловна была бледна, ее не спасали даже пудра и румяна. Глубокие морщины расчертили лоб, губы сжались...

– Спасибо, Максим, – произнесла она излишне громко. – Извини, но я вынуждена попросить тебя покинуть нас. Дело семейное, безотлагательное... – Бабушка глубоко вдохнула, выдохнула и выдала подобие улыбки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.